

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной
работе ФГБОУ ВО «РГГУ»
К.И.Н., профессор

О.В. Павленко

«01» марта 2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ) на диссертацию Панкова Игоря Александровича «Культ Йусуфа Хамадани в центральноазиатском исламе как социокультурный феномен» по специальности 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Диссертация И. А. Панкова рассматривает один из наиболее ярких феноменов духовной жизни народов Центральной (Средней) Азии — культ святых-суфиев, известных под обобщающим наименованием авлия Аллах («друзей Божьих»). Это исследование продолжает традиции изучения почитания святых-вали, заложенные еще в императорской России, а также и традиции советской этнографической школы. Возрождение интереса к местам паломничества у центральноазиатских народов после распада СССР нуждается в научном описании и осмыслении, и в этой связи актуальность предложенной И.А. Панковым темы не вызывает сомнений. Культ святых остается одной из главных опор для современных государств Центральной Азии, включающих его в фонд непреходящих культурно-исторических ценностей данного региона. Социальные связи, образующиеся вокруг таких мест и обслуживающие культ «святых семейств», несомненно, имеют

большое значение и для закрепления тех или иных социальных связей между местными народами. Автор справедливо отмечает, что на практике происходит слияние образа святого — как покровителя данной местности и самого святого места, часто представленного гробницей святого человека, мазаром. Святой утрачивает реальные биографические черты и начинает как бы отождествляться с сакральным местом, по которому распространяется его благостная сила; причем природные объекты начинают играть не менее важную роль в культе, чем атрибуты самого святого-вали. К сожалению, в настоящее время нет возможности для проведения масштабных полевых исследований, подобных тем, которые осуществляла знаменитая Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция под руководством С.П. Толстова. Тем не менее, труды отдельных энтузиастов в этой области, к которым относится и сам диссертант, должны оцениваться, исходя из полученных результатов, как определенный вклад в историческое изучение народов региона.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и шести Приложений.

Введение — одна из самых содержательных частей диссертации, которая плавно вводит в контекст проблематики. Актуальность рассмотрена автором подробно, начиная с природы и истоков культа святых в исламе, а также тщательно рассматривается его место в религиозной жизни населения Центральной Азии. Определяется содержание терминов «народный ислам», «культ святых», «мазар», а также рассматривается их роль в мировоззрении населения Центральной Азии.

Распространение и популярность святых мест предполагает более широкий культурный и социальный контекст бытования феномена, нежели простая достопримечательность, что и отразилось в определении целей исследования. Выделение особенностей культа святых в религиозной практике населения Центральной Азии предполагает наличие в исследовании строгого аналитического аппарата и скрупулёзного изучения самого

феномена. Во Введении также подробно рассмотрены источники и охарактеризованы полевые материалы 2013-2018 гг., собранные в Узбекистане, Туркменистане, Казахстане и Кыргызстане.

В Первой главе «Культ *авлийа*’ *аллах* в исламе, его генезис и эволюция» автор рассматривает собственно культ святых в исламе. В целом надо отметить значительную эрудицию автора в вопросах теологии ислама и исторического контекста изменений религиозной жизни. При этом некоторые его утверждения о первоначальном исламе, на наш взгляд, выглядят слишком категоричными и навеяны современным пониманием исламского «правоверия». Так, на с. 44 он пишет буквально следующее: «Любое сопоставление с Аллахом либо поклонение чему-либо, помимо Аллаха, или же претензия на обладание сверхъестественными способностями немедленно объявлялись *ширком* (араб. ‘язычество, политеизм’), что являлось величайшим грехом и проявлением *куфра* (араб. ‘неверие, сокрытие’)». Но никакого примера объявления «неверием» в этот период какого-либо учения в тексте не приводится. Можно было бы проиллюстрировать указанное положение страницами борьбы с так называемыми «лжепророками» типа Масламы (Мусайлимы) или Саджах или отношением халифа Али к обожествлявшему его иудею Абдуллаху ибн Сабе.

На с. 51 автор пишет о преемственности между культурами местных языческих божеств и культом *авлийа* в Средней Азии, но приводимые им легенды о Дивана Бурхе (Буркуте) и Бобо Дехконе вряд ли доказывают божественность последних (они сопоставляются в преданиях только с первочеловеком Адамом или же с первым шаманом, но не с Всевышним), как и легенды о покровителях скотоводства. Даже бессмертный святой Хызр (аль-Хадир) не восходит к какому-то определенному доисламскому божеству, то есть такая преемственность автором не прослеживается. Как указывает и сам И. А. Панков, пиры-покровители ремесел в изучаемом регионе — это, прежде всего, библейские пророки, а не божества. Если здесь и может идти речь о преемственности, то скорее с христианством и

иудаизмом, чем с древними местными верованиями. Также и сохранение культа огня на мазарах не доказывает прямой передачи этого культа от зороастризма, так как нет никакого намека в легендах на соответствующие зороастрийские сущности (бога огня Атара/Азара и т.п.). Ни одно «святое» дерево также не связывается с какими-либо доисламскими персонажами, если исключать «сорок невидимых святых» (чильтан), происхождение которых также до конца не выяснено.

Есть и другие замечания. На с. 64 прозвище имама Али «Царь мужей» (перс. Шах-и мардан) приведено в неверном написании Шох-и мордон (даже в таджикском и узбекском вариантах следовало бы писать «мардон»). Отождествление Али с героем-богатырем иранского эпоса Рустамом также нуждается в более глубоком обосновании. На с. 72 диссертант пишет о Хамадане как о городе в области Хорасан, между тем Хамадан является центром другой иранской исторической области — Ирака Персидского. На с. 78 ошибочно дано написание титула «первенствующего» шейха — шейх-и пейшва вместо «пешва». Воспроизводя на с. 83-84 классификацию святых-авлийа Г. П. Снесарева, автор не подвергает ее критическому анализу.

Однако столь основательное вступление позволило автору реконструировать не только процесс возникновения культа святых в Центральной Азии, но и выделить структурные элементы, лежащие в основе религиозной системы поклонения: объект поклонения — святые, место поклонения — мазар и ритуал (совокупность ритуальных действий в каждом конкретном случае). Таким образом, автор сформировал и обосновал аналитический прием, который он использует для исследования культа одного из святых — Йусуфа Хамадани.

Вторая глава диссертации «Култ Йусуфа Хамадани и его проявление на мазаре в Хорезме» носит более самостоятельный характер, так как основывается, во многом, на полевой работе самого автора. Здесь содержатся некоторые неточности в теоретической части. Так, принятое в науке название мистической школы *хваджаган* автор передает как *хаджаган* (с. 98). В

примечании на с. 100 утверждается, что луры являются субэтносом курдов, но это скорее «курдский» взгляд на луров; в то время как лингвисты относят язык луров к юго-западной ветви иранских языков, а языки курдов — к северо-западной, что говорит против отождествления этих народов. Зейн аль-Абидин является не учеником, а сыном и преемником имама Хусейна (с. 102). Титул *ходжа* присваивался не только визирям, как пишет автор, но и многим ученым-богословам и даже просто купцам (с. 104). В то же время методы полевого исследования, примененные И. А. Панковым, вполне уместны и никаких серьезных возражений не вызывают. Описание связанных с мазаром Хамадани ритуалов и практик выполнено на высокопрофессиональном уровне.

Наконец, Третья глава диссертационного исследования «Культ Йусуфа Хамадани: социальное пространство мазара Улли-пир» носит социологически-прикладной характер. Интерес представляют выводы автора о противостоянии «легитимной» составляющей культа Хамадани во главе с имамом Сулейманом и «нелигитимной», олицетворяемой гадалщицей-*фолбин*, а также о пространственном разделении их функций (центр и периферия мазара) и о гендерном поле официального и народного ислама. И. А. Панков касается и личной истории, биографий тех людей, которые «служат» на мазаре Хамадани, и выявляет особенности их личного восприятия тех или иных обрядовых практик. Социальная структура святого места выявлена диссертантом с достаточной полнотой и проникновением в суть социальных взаимоотношений между ее участниками.

В Заключении, автор суммирует выводы, к которым он пришел в главах II и III, выделяет основные социальные функции культа Йусуфа Хамадани в данном районе, гендерные отличия в религиозной практике связанной с культом, участников, относящихся к данному социальному полю, и специфику воспроизводства культа святых в современности.

Выводы, изложенные в заключении, соответствуют основному содержанию диссертации. Приложения помогают визуально представить

пространство мазара и его окрестностей и место различных групп, существующих в социальном поле данного сакрального места.

Автореферат адекватно отражает содержание диссертации. Научные труды, опубликованные автором и перечисленные в списке публикаций, подлинны и отражают основные идеи и выводы работы. Их количество соответствует требованиям ВАК РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Следует высоко оценить работу автора как исследователя-практика. Замечания к работе носят частный характер и не снижают ее значимости для науки. Диссертационное исследование И.А. Панкова отвечает всем квалификационным требованиям п.п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением № 842 Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. (в редакции Постановления Правительства РФ от 28.08.2017 г. № 1024), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Панков Игорь Александрович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07. «Этнография, этнология и антропология».

Текст отзыва составлен к.и.н., доцентом Учебно-научного центра социальной антропологии (УНЦСА) РГГУ А.В. Загорулько и к.и.н., доцентом Российско-турецкий учебно-научного центра (РТУНЦ) РГГУ Ю.А. Аверьяновым, обсужден и утвержден на заседании Учебно-научного Центра социальной антропологии РГГУ 20.02.2019, протокол № 2.

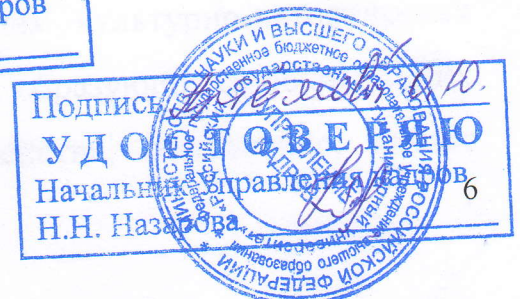
Андрей Владиславович Загорулько, к.и.н., доцент УНЦСА РГГУ

Юрий Анатольевич Аверьянов, к.и.н., доцент РТУНЦ РГГУ

Ольга Юрьевна Артемова, д.и.н., проф., зам. директора УНЦСА РГГУ

20 февраля 2019 г.

125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6,
Тел.: (499) 250-61-18, E-mail: uncsa@rggu.ru

Взв
НН
О